

УЧЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

СВЯЩЕННОМЪ ПРЕДАНІИ.

АПОЛОГЕТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

Священника *Иоанна Филевского*,
законоучителя Харьковскаго Коммерческаго училища Императора
Александра III.

№ 6140.
1909.

В. Кривенков.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, — 5.
1902.

Б. М. Д. А.

УЧЕНІЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

О
СВЯЩЕННОМЪ ПРЕДАНІИ.

АПОЛОГЕТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

*Священника Иоанна Филевского,
законоучителя Харьковскаго Коммерческаго училища Императора
Александра III.*

ХАРЬКОВЪ.
Типографія «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, Клочковская,—5.
1902.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе	Страницы. I—LXVII
--------------------	----------------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Откровенное ученіе о священномъ преданіи.

Глава первая.

Ученіе о священномъ преданіи на основаніи примѣра и заповѣди Іисуса Христа	1—21
--	------

Глава вторая.

Библейски-апостольское ученіе о священномъ преданіи . . .	22—72
---	-------

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Ученіе церкви о священномъ преданіи.

Глава первая.

Ученіе мужей апостольскихъ о священномъ преданіи	73—109
--	--------

Глава вторая.

Ученіе о священномъ писаніи святыхъ отцовъ и учителей церкви II и III вѣковъ	110—256
--	---------

Глава третья.

Ученіе церкви о священномъ преданіи въ періодъ вселенскихъ соборовъ.	257—451
--	---------

Глава четвертая.

Православно-символическое ученіе о священномъ преданіи. .	452—511
---	---------

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Наши выводы и общая апологетическая оцѣнка иновѣрныхъ взглядовъ по различнымъ сторонамъ вопроса о священномъ преданіи.

Глава первая.

Преданіе въ широкомъ смыслѣ	512—522
---------------------------------------	---------

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 19 апрѣля 1902 года.

Цензоръ *Иеромонахъ Филаретъ.*

Глава вторая.

Формальное преданіе.

Страницы.

1. Устный способъ распространенія и утвержденія христіанскаго откровенія и вѣры 523—534
2. Священное преданіе, какъ формально-объективный источникъ христіанскаго откровенія и вѣры. 535—545
3. Источники или памятники священнаго преданія:
 - 1) символъ вѣры. 547—556
 - 2) ученіе вселенскихъ соборовъ. 557—569
 - 3) ученіе святыхъ отцовъ и учителей церкви . . . 569—581
 - 4) жизнь или практика церкви 581—605

Глава третья.

Матеріальное преданіе.

- а) дѣленіе преданій по ихъ происхожденію 606—617
- б) по содержанію 618—625
- в) авторитету 625—628
- г) по способу введенія въ первый разъ 628—634

Глава четвертая.

1. Преданіе въ субъективномъ смыслѣ 635—642
2. Отношеніе объективнаго преданія къ субъективному . . . 642—651

Заключеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

«Да разумиши, о нижже научился еси словесы, утверждени» (Лук. 1, 4).

Въ каждой наукѣ, имѣющей предметомъ своимъ разработку той или другой отрасли человѣческаго знанія и жизни, мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ особое ученіе о такъ называемыхъ *первыхъ источникахъ*, о коренныхъ гносеологическихъ принципахъ, нормахъ и методахъ, необходимыхъ для надлежащаго приобрѣтенія и вѣрнаго сохраненія истинно-научныхъ свѣдѣній въ извѣстной области. Это ученіе, безспорно, имѣетъ «основоположительное значеніе» и первостепенную важность. Здѣсь именно прочно устанавливаются и непоколебимо утверждаются всѣ главнѣйшіе научные выводы, всѣ несомнѣнные научныя доказательства и свидѣтельства непререкаемой истинности и исторической достовѣрности извѣстныхъ научныхъ положеній и началъ. Источники и принципы, нормы и методы научныя составляютъ, такъ сказать, «реально-гносеологическую основу» всѣхъ прочихъ научныхъ данныхъ, относящихся къ извѣстной области знаній. Это суть какъ бы стѣна основныхъ научныхъ истинъ въ ихъ существѣ и «доктринальномъ изложеніи». При помощи ихъ извѣстныя научныя построенія изъ туманной области бытія и знанія, изъ не рѣдко шаткихъ гипотезъ и субъективно-аналогическихъ умозаключеній постепенно переходятъ въ ясныя убѣжденія «акіоматическаго знанія», всеобщаго и необходимаго. Безъ нихъ, слѣд., не мыслимо и не возможно никакое *положительно-научное познаніе*. Поэтому всѣ науки дорожатъ своими гносеологическими источниками и началами, какъ опорными пунктами и исходными точками своего историко-культурнаго существованія и развитія. Для истинно-научнаго знанія тщательное исканіе этихъ источниковъ и основъ всегда должно служить предметомъ высочайшей важности. Въ дѣлѣ научныхъ познаній, чѣмъ выше превосходство предмета розыскиванія, тѣмъ глубже интересъ, тѣмъ пламениѣе изслѣдованіе и тѣмъ дороже для ума приобрѣтеніе желаемой истины.

Первоначальныя научныя источники и гносеологическія основанія тѣмъ существенно отличаются отъ прочихъ научныхъ нормъ и способовъ познанія, что ихъ внутренняя истинность и историческая досто-

вѣрность должны быть *очевидными* и *ясными* и не требовать еще какихъ-либо другихъ «предварительныхъ» или вспомогательныхъ свидѣтельствъ и удостовѣреній. Въ этомъ смыслѣ они обыкновенно называются недоказуемыми, *indemonstrabilia*, ἀδεδεικτα 1). Ими все научно оправдывается, сами же они не могутъ быть ничѣмъ доказаны. По такому свойству ихъ существеннымъ признакомъ всякой истинно-научной дѣятельности должно быть *положительное знаніе* какъ въ вопросахъ, касающихся систематическаго изслѣдованія всего матеріала, подлежащаго разумному пониманію, такъ и относительно методологическихъ способовъ передачи его другимъ людямъ. Отсюда само собою разумѣется, что кто не имѣетъ или не можетъ пріобрѣсти истинныхъ понятій о первыхъ источникахъ и основныхъ гносеологическихъ началахъ научнаго знанія, того трудно увѣрить въ извѣстномъ научномъ положеніи, убѣдить въ полной достовѣрности извѣстнаго научнаго вывода или логическаго умозаключенія. «Съ глубокимъ разглагольство есть многотрудное: вся бо яже аще къ нему возглаголеши, не слышитъ» 2). А кто совершенно отвергаетъ необходимые во всякой наукѣ коренные источники и принципы, или совсѣмъ сомнѣвается въ ихъ внутренней истинности и самоочевидности, или же рѣшительно извращаетъ ихъ общечеловѣческій смыслъ по своимъ «предвзятымъ идеямъ», съ тѣмъ нельзя вести никакихъ научныхъ занятій, «нечего и спорить» по научнымъ вопросамъ 3). «Сумняйся уподобися волненію морскому вѣтры возметаему и развѣваему» (Іак. 1, 6). Для безотчетнаго скептика, руководящагося «произвольными предположеніями и фантастическими иллюзіями», все въ области извѣстной науки будетъ казаться неосновательнымъ, недоказаннымъ, произвольно-гипотетическимъ, суетнымъ. Сомнѣвающийся искатель мнимо-научной истины всегда съ унылымъ отчаяніемъ будетъ спрашивать, подобно цинически-равнодушному эпикурейцу Пилату: «что есть истина» (Іоан. 18, 38)? Такой скептицизмъ, составляющій только злоупотребленіе великимъ именемъ свободы человѣческаго мышленія, въ существѣ дѣла уничтожаетъ самый вопросъ о необходимости и важности положительнаго знанія, о его общечеловѣческомъ значеніи и культурно-историческихъ задачахъ. Здѣсь не откуда взяться яснымъ и твердымъ взглядамъ на тотъ или другой научно-философскій вопросъ, негдѣ найти и точекъ опоры для пріобрѣтенія творческихъ силъ, созидающаго вдохновенія и нравственной энергіи, столь нужныхъ во всякой научной дѣятельности. А что можетъ быть безотрадиѣ такого пагубнаго «душевнаго настроенія въ дѣлѣ научнаго знанія»? Люди, находящіеся въ состояніи мрачнаго сомнѣнія въ вопросѣ

1) См. у преосв. *Геофана Прокоповича*, *Christianae orthodoxae Theologiae*, vol. 1. Lips. 1787, § 16, pag. 11.

2) Высокопр. *Стефанъ Яворскій*. Камень вѣры, Москва 1843 г., ч. 3, стр. 1.

3) Преосв. *Геофанъ Прокоповичъ*, *ibidem*.

о возможности и необходимости истиннаго научнаго познанія, конечно, вольны блуждать по всяческимъ распутиямъ «*ложимаго разума*» (1 Тим. 6, 20), «*влающуюся и скитающуюся всякимъ стѣпномъ ученіемъ*» (Еф. 4, 14); но они не имѣютъ никакого права совершенно отрицать научные источники, основаначала и аксіомы въ ихъ идеальномъ понятіи и въ реальной дѣйствительности. Всякая наука, всякая научная система истинныхъ знаній, само собою ограничиваетъ нашу умъ, нашу познавательную дѣятельность, строго-опредѣленными источниками, принципами и нормами, точно указанными и ясно-дознанными «гносеологическими и методологическими предѣлами». Но отсюда, очевидно, нисколько не слѣдуетъ, чтобы люди науки, мужи ученые, становились чрезъ то «интеллектуальными невольниками», а, напротивъ, только при такомъ условіи они дѣйствительно свободны и искуплены, разъ навсегда, отъ различныхъ сомнѣній, обольщеній, заблужденій и мнимо-научныхъ суетвѣрій. Если абсолютная истина есть конечная цѣль и жизненная задача, то тщательное изслѣдованіе ея источниковъ и первоосновъ есть единственное средство постигнуть ее. Истинно-научное знаніе есть прекрасный плодъ умственной работы, необходимая пища, истинное наслажденіе. Умный человѣкъ соразмѣряетъ свои завѣтныя убѣжденія съ существомъ абсолютной истины, открывающейся въ ея научныхъ источникахъ и основаначалахъ.

Итакъ, для правильности и плодотворности научныхъ изслѣдованій въ извѣстной области человѣческихъ знаній необходимо прежде всего истинное понятіе о самомъ существѣ первыхъ источниковъ и принциповъ, изъ которыхъ естественно почерпается «научный матеріалъ» для надлежащей разработки и изложенія его въ стройной и цѣлостной системѣ. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о существенныхъ свойствахъ научныхъ доказательствъ и выводовъ, извлекаемыхъ изъ правильнаго ученія о самой природѣ первоисточниковъ научнаго знанія. Достаточно сказать, что безъ этого непремѣннаго условія нельзя получить надлежащей достовѣрности для всяческихъ научныхъ положеній. Не точное или смутное научно-гносеологическое знаніе легко превращается въ какое-либо темное суетвѣріе, либо въ субъективное заблужденіе. При недостаточности ясныхъ свѣдѣній по научно-гносеологическимъ вопросамъ не можетъ быть истинно-научныхъ взглядовъ, положительныхъ свидѣтельствъ, несомнѣнной увѣренности, непререкаемой «правды научной». Да и какъ можно ожидать правильно-составленныхъ, научно-проверенныхъ понятій и убѣжденій тамъ, гдѣ нѣтъ должнаго ученія о самыхъ источникахъ и руководительныхъ началахъ, изъ которыхъ *планомерно раскрывается* полнота и совершенство научнаго знанія и *постепенно критиче* историко-культурная сила его общечеловѣческаго значенія и авторитета? Только истинное познаніе научныхъ первоначалъ и глубочайшихъ основъ изго-